
СЕРАЯ ЗОНА
ТРИ ИСТОРИИ. ОДИН ГОРОД. ОДНА ВОЙНА.
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Автор без лица Лопарев

Голоса Серой зоны

«Автор»
2026

Лопарев А. Н.

Голоса Серой зоны / А. Н. Лопарев — «Автор», 2026

Северск. Город, отрезанный от внешнего мира.Здесь больше не работают привычные законы. Вооружённые группировки делят улицы, военные устанавливают собственные порядки, а мирные жители пытаются найти хотя бы одно безопасное место среди руин.Три человека. Три судьбы. Три совершенно разных пути.Илья Корнеев — военный, решивший бежать от подразделения, которому больше не верит. Но можно ли скрыться от тех, кто когда-то называл тебя своим?Миша Соколов — десятилетний мальчик, оставшийся один в разрушенном городе. Его мама обещала вернуться. И теперь он готов пройти через весь Северск, чтобы найти её.Сергей Белов по прозвищу Бес — бывший преступник, увидевший в хаосе войны возможность построить собственную империю. Он собирает людей, захватывает территорию и устанавливает свои правила. Но даже самый влиятельный человек не может контролировать всё.Их истории не связаны между собой, но каждая показывает отдельную сторону жизни Северска: страх, одиночество, власть, предательство и надежду.

© Лопарев А. Н., 2026
© Автор, 2026

Автор без лица Лопарев
Голоса Серой зоны

«Последний приказ»

04:17. Северная окраина города.

Дождь шёл третьи сутки.

Он бил по ржавым крышам ангаров так, будто хотел пробить их насквозь. Стекал по выбитым окнам, лез под воротник, превращал грунтовку в чавкающее чёрное месиво. Где-то за жилыми кварталами глухо ухала артиллерия — то далеко, то так близко, что в старых стенах дребезжали остатки стёкол.

Илья Корнеев сидел на ящике из-под боеприпасов и смотрел на свои руки.

Они дрожали.

Не от холода. Хотя и от холода тоже.

На ящике перед ним лежало всё его имущество: затёртый военный билет, фотография матери и смятая пустая пачка. С фотографии на него глядел другой человек — в чистой форме, с короткой стрижкой и дурацкой счастливой улыбкой. Тот парень был уверен, что всё это ненадолго.

— Корнеев.

Илья поднял голову.

В дверном проёме стоял старший сержант Лапин. За две недели он будто прожил десять лет: щетина, серая кожа, впавшие глаза, на левой руке — бинт, когда-то белый.

— Командир искал. Чего расселся?

— Думаю.

— О чём?

— Домой хочу.

Лапин усмехнулся. Улыбка вышла кривой, пустой.

— Все хотят, брат.

Он притворил дверь, сел напротив. Минуту они молчали. Было слышно, как капает с потолка в жестяное ведро.

— По рации передали, — наконец сказал Лапин. — Южной группы больше нет. С батальоном связи тоже нет. Командир собирает остальных. Завтра выдвигаемся.

— Куда?

— Он и сам не знает.

— Тогда зачем?

— Приказ.

— Какой, к чёрту, приказ? — Илья говорил тихо, и от этого выходило хуже, чем если бы он кричал. — Нас одиннадцать. Двое лежачих. Машина без колёс. Патронов на один хороший бой. Кому мы нужны, Лапин?

Сержант долго смотрел на него.

— Ты сейчас опасные вещи говоришь.

— А ты опасные вещи делаешь. Каждый день делаешь вид, что за нами есть армия.

Лапин встал. Скрипнул ящик.

— В шесть построение. Не опаздывай.

Дверь хлопнула. Ведро продолжало капать.

В 04:46 Илья вышел из ангара.

Бронежилет, разгрузка, автомат на ремне. Рюкзак за плечами — лёгкий, он нарочно не брал лишнего: несколько магазинов, вода, два сухпайка, аптечка, сменные носки. И фотография — во внутреннем кармане, у самого сердца.

Лагерь не спал. Дежурный грел ладони над ржавой бочкой, в которой тлели доски. Из соседнего помещения тянуло сыростью и лекарствами, и оттуда же доносился мокрый, надсадный кашель.

Илья прошёл мимо дежурного. Тот даже не поднял глаз.

— Эй, Корнеев.

Он остановился.

На раскладушке под серым одеялом лежал рядовой Сафонов. Совсем пацан, едва двадцать исполнилось. Лицо в тусклом свете казалось восковым.

— Ты куда?

— Покурить.

— А есть чем?

Илья помолчал. Потом достал из кармана последнюю пачку и бросил ему на одеяло.

Сафонов вытянул одну сигарету, повертел в пальцах.

— Спасибо.

— Поправляйся.

— Да куда я денусь, — слабо усмехнулся тот.

Илья отвернулся. Сделал шаг. Второй. Остановился.

— Сафонов.

— Чего?

— Не верь всему, что тебе говорят.

Парень нахмурился.

— Ты это о чём?

Илья смотрел в темноту коридора.

— Ни о чём.

И пошёл дальше.

Когда последние постройки остались за спиной, дождь почти стих. Он не кончился — просто выдохся, как человек, которому надоело кричать.

Город встретил его тишиной.

Не мирной тишиной — выжженной. Искорёженные автобусы с вывернутыми дверями. Перевёрнутые машины, на крышах которых лежала вода. Витрины, в которых остались только острые зубы стекла. На перекрёстке валялся дорожный знак, а у остановки стояла детская коляска. Пустая, с поднятым капюшоном, будто хозяйка отошла на минуту.

Илья шёл по осевой, стараясь не смотреть по сторонам. Подмётки хлюпали. В голове крутилась одна-единственная мысль, и он повторял её, как молитву:

Только бы никто не заметил.

— Корнеев!

Он замер. Спина стала каменной.

Голос был знакомый.

— Илюха! Стой!

Лапин.

Илья медленно обернулся. Сержант стоял у бетонного забора — без каски, с расстёгнутым воротом, тяжело дыша. Видно, бежал.

— Ты совсем охренел?! — крикнул он.

Илья молчал.

— Возвращайся!

— Не могу.

— Это приказ!

Корнеев посмотрел на него. И вдруг понял: слово, от которого раньше внутри всё сжималось, больше ничего не весит. Страха не было. Была только усталость — и под ней, неожиданно, тихое облегчение.

— Тогда считай, что я не слышал.

Лапин опустил голову. Несколько секунд стоял неподвижно, и дождь стекал по его лицу.

— Куда ты пойдёшь, идиот? Там никого нет!

— Знаю.

— Тебя объявят в розыск!

— Знаю.

— И что дальше?!

Илья поправил лямку рюкзака.

— Не знаю, Лапин. Зато сам решу, где мне закончить.

Он развернулся и зашагал прочь.

Лапин больше не кричал. Илья не оглянулся, но спиной чувствовал его взгляд — до самого поворота, пока улица не проглотила его целиком.

К 06:30 он добрался до старой автозаправки на выезде из города.

Под навесом чернел обгоревший грузовик — кабина смята, как консервная банка. В магазинчике хрустело под ногами: стекло, обёртки, чьи-то давно рассыпанные чипсы. Пахло гарью и мокрой пылью.

Илья сел на пол за прилавком, привалился спиной к холодильнику и достал фотографию.

Он знал, что написано на обороте. Всё равно перевернул.

«Илюше. Возвращайся скорее. Мама».

Шариковая ручка, торопливый почерк. Буква «в» с петелькой, как она всегда писала.

Он смотрел на эти строчки долго. Потом осторожно убрал фотографию на место.

Вдалеке заурчал мотор.

Илья скользнул к разбитому окну и выглянул. По дороге ползла старая гражданская «буханка» — грязная, облезлая, с задним стеклом, заклеенным скотчем. Она встала у колонки, мотор затих.

Из кабины вылез мужчина лет пятидесяти: потёртая куртка, резиновые сапоги, охотничье ружьё на плече. Он огляделся, и взгляд его остановился на окне.

Они увидели друг друга.

— Военный? — спросил незнакомец. Голос у него был хриплый, спокойный.

— Уже нет.

Мужчина хмыкнул.

— Это как?

Илья поднял рюкзак с пола.

— Долго объяснять.

— Куда путь держишь?

Корнеев посмотрел на пустую дорогу. Она уходила в серую муть и не обещала ничего.

— Пока не знаю.

Незнакомец распахнул дверь микроавтобуса.

— Тогда садись. Только сразу скажу: денег у меня нет, еды почти тоже. А если тянешь за собой неприятности — лучше иди пешком.

Илья колебался несколько секунд.

Потом шагнул к машине.

Он ещё не знал, что через несколько часов этот случайный попутчик расскажет ему о людях, которые собирают беглых солдат за городом. И что кое-кто из них готов платить за чужое прошлое.

Впервые за долгое время Корнеев остался один на один с самим собой.

И это оказалось страшнее любой перестрелки.

Беглец

Глава 2. Чужая территория

Северная объездная дорога. 09:20.

Микроавтобус трясло на каждой выбоине. Что-то в днище стучало, как неисправное сердце, а в дверной обшивке звенела забытая гайка.

Илья сидел на пассажирском сиденье, зажав автомат между коленями. Ствол он держал вниз, палец — вдоль скобы. Старая привычка, которая теперь казалась то ли защитой, то ли приговором.

Мужчина за рулём назвался Виктором. Лет пятидесяти, лицо будто выдубленное ветром, седая щетина, пальцы в въевшейся смазке. На куртке когда-то был логотип строительной фирмы, но буквы облезли, и осталось только «…СТРОЙ». В салоне пахло табаком, сыростью и бензином. На приборной панели болтался на верёвочке детский пластмассовый крестик. Чей он был, Илья спрашивать не стал.

— Давно в городе? — спросил Виктор, не отрывая взгляда от дороги.

— Достаточно.

— Из какой части?

— Неважно.

Виктор покосился на него. Недолго, но цепко.

— Понятно. Значит, беглый.

Илья медленно повернул голову.

— С чего решил?

— Я, парень, не вчера родился. Нормальные военные по дорогам в одиночку не шляются. Тем более пешком. И тем более на рассвете, когда все ещё спят.

Корнеев отвернулся к окну. Спорить не хотелось. Да и нечем.

За стеклом проплывали серые многоэтажки с чёрными провалами окон. На некоторых подъездах ещё висели выцветшие объявления об эвакуации — бумага размокла, буквы поплыли, и теперь они читались как чьи-то последние слова. На перекрёстке догорал бронеавтомобиль. Не догорал даже — тлел, выпуская тонкую нитку дыма. Рядом валялись оранжевые дорожные конусы, и от этого зрелища становилось почему-то особенно не по себе.

— Куда едешь? — спросил Илья.

— На запад. Там посёлок небольшой. Народ собрался у старого складского комплекса. Меняются едой, лекарствами, иногда соляркой.

— Вооружённые?

— А ты как думаешь? — Виктор усмехнулся, показав жёлтый зуб. — Сейчас даже у бабки с огорода ружьё найдётся. И знает, куда целиться.

Они замолчали. Дворники скрипели по стеклу, размазывая серую воду. По радио шипело что-то неразборчивое — Виктор давно выкрутил громкость до минимума, но не выключал. Видно, привык, что хоть кто-то говорит.

Через сорок минут микроавтобус свернул с основной трассы на разбитую просёлочную дорогу.

Впереди выросли бетонные блоки, поставленные поперёк проезда зигзагом, чтобы не пролетел никто быстрее пешехода. За ними темнели несколько дощатых построек и приземистое здание бывшей ремонтной мастерской с косо висящей вывеской. Над крышей поднимался тонкий дымок из железной трубы — единственный признак того, что здесь кто-то живёт.

У ворот стояли трое.

Первый держал охотничье ружьё, переломленное через руку. Второй — потёртый автомат с изолентой на цевье. Третий вообще не держал ничего: просто курил, привалившись к стене и разглядывая подъезжающую машину сквозь прищур.

— Стой, Витёк!

Микроавтобус остановился. Мотор заглох, и сразу стало слышно, как капает вода с крыш и как где-то лает собака.

К машине подошёл мужчина в камуфляжной куртке. Крепкий, широкоплечий, с шрамом через бровь. Взгляд у него был тяжёлый, оценивающий — так смотрят на товар, который могут не купить.

— Кого привёз?

— Пассажира.

— Вижу, что не мешок картошки. Кто такой?

— Человек.

Мужчина заглянул в салон. Взгляд задержался на автомате, потом поднялся к лицу Ильи.

— Военный?

— Был.

— Документы.

Корнеев достал из внутреннего кармана военный билет. Протянул. Рука не дрогнула, и он этим даже слегка гордился.

Мужчина пролистал несколько страниц. Остановился на фотографии, сравнил с оригиналом. Губы его шевельнулись, будто он читал про себя.

— Ага. Корнеев Илья Сергеевич. Воинская часть…

Он не договорил. Брови чуть дрогнули.

— Интересно.

— Что? — Илья почувствовал, как внутри всё натянулось.

— Да ничего, — слишком быстро ответил мужчина и вернул билет. — Проходите. Только оружие тут без разрешения не таскать.

— Я его сдавать не собираюсь.

Мужчина посмотрел на него внимательнее. Теперь уже без показного безразличия.

— Тогда и проходить не надо.

Виктор тяжело выдохнул и открыл дверь.

— Серый, не начинай. Парень просто хочет переждать.

— У нас тут не гостиница, Витя.

— А у меня не приют. Но я его привёз.

Несколько секунд они мерили друг друга взглядами. Серый перевёл глаза на Илью, потом на ружьё за спиной Виктора, потом на пустую дорогу позади. Наконец махнул рукой.

— Ладно. Найдёшь на складе старика по имени Гена. С ним и договаривайся.

Он отступил, но Илья успел заметить, как тот достал из кармана мятую бумажку и что-то на ней отметил.

Внутри бывшей мастерской было тепло и пахло так, как давно не пахло нигде: супом, углём и стиранным бельём.

Человек двадцать. Женщина раскладывала консервы на грубо сколоченном столе, сверяясь с засаленной тетрадкой. Двое подростков, перемазанных до ушей, таскали канистры от дверей в дальний угол. У стены на матрасах спали вповалку, укрывшись армейскими одеялами. Над печкой-буржуйкой сушились носки, вывешенные рядом, как гирлянда.

Не было ни флагов, ни нашивок, ни званий. Ни одного человека, который стоял бы по стойке «смирно».

Только люди, пытающиеся пережить ещё один день.

Илья остановился на пороге. Он вдруг понял, что давно не видел столько гражданских лиц сразу, и не знал, куда девать руки.

— Новенький? — раздался негромкий голос.

Из-за стола поднялся пожилой мужчина в тёмном вязаном свитере с растянутыми рукавами. Очки на верёвочке, аккуратная борода, глаза усталые, но внимательные.

— Корнеев. Илья.

— Гена. Что умеешь?

— Служил.

— Это я вижу, — Гена кивнул на автомат. — Я спрашиваю, что ты умеешь делать, кроме как носить это.

Илья задумался. Вопрос был простой, но ответ на него вдруг оказался сложнее, чем он ожидал.

— Машину водить. С техникой знаком, чинил. Медицинскую подготовку проходил.

— Уже лучше, — Гена снял очки, протёр их краем свитера. — Кормить бесплатно не обещаю. Будешь помогать — получишь еду и место для сна. Не будешь — тебя никто не гонит, но и не держит.

— Договорились.

— И ещё. Запомни: здесь не армия. Никто никому не подчиняется только потому, что у него звёзды на погонах.

Илья впервые за утро едва заметно улыбнулся. Углом рта, почти незаметно.

— Это я уже понял.

День прошёл странно.

Он таскал дрова. Помог Виктору разобрать карбюратор на единственном рабочем генераторе. Перевязал руку мужику с распоротой ладонью — тот морщился и шутил, что военный лекарь лучше любого врача, потому что ничего не боится. Женщина с тетрадкой дала Илье миску супа: жидкого, почти прозрачного, но горячего.

Он ел, сидя на бетонном блоке у ворот, и впервые за много дней чувствовал вкус.

Вечером, когда небо окрасилось в цвет старого синяка, Виктор подошёл к нему.

— Ну что, устроился?

— Пока да.

— Слушай, Илюх, — Виктор достал сигарету, покрутил в пальцах, не закуривая. — Ты ведь понимаешь, что долго тут не просидишь?

— Почему?

— Сегодня утром по рации передавали. Военные ищут дезертира. Описали примерно тебя. Возраст, фамилию, подразделение.

Илья поднял глаза. Внутри что-то холодно щёлкнуло.

— Уже?

— А ты думал, тебя потеряли и не заметили? — Виктор покачал головой. — Вас по головам считают, парень. Даже когда считать уже нечего.

Они помолчали. Где-то в мастерской кто-то засмеялся — коротко, как будто сам испугался.

— И что теперь? — спросил Илья.

— Ничего. Пока. Но Серый уже про тебя спрашивал. Он тут любит монетизировать полезную информацию.

— Продаст?

Виктор пожал плечами. Это было хуже любого ответа.

Из мастерской донёсся женский голос:

— Виктор! Тебя к телефону!

— Какой, к чёрту, телефон… — пробормотал он, затушил так и не зажжённую сигарету о ладонь и пошёл на зов. — Потом поговорим.

Илья остался один.

Через минуту рядом возник мальчишка лет двенадцати. Худой, вихрастый, с жестяной кружкой, из которой торчала ложка. Он остановился в трёх шагах, как перед незнакомой собакой.

— Дядь, ты солдат?

— Был.

— А ты людей убивал?

Тишина повисла плотно, как мокрое одеяло.

Илья посмотрел на ребёнка. На его грязные ладони, на ссадину на колене, на серьёзные, не по возрасту, глаза. Открыл рот, но слова не нашлись.

— Иди к маме, малой.

Мальчишка пожал плечами, словно и не ждал другого ответа, и убежал, гремя ложкой о кружку.

Илья сел обратно. Достал из кармана фотографию, провёл большим пальцем по выцветшим строчкам на обороте. Бумага на сгибе уже начала протираться.

Впервые за долгое время ему по-настоящему захотелось вернуться.

Но возвращаться было некуда.

22:43.

Он проснулся от тихого стука в дверь.

Не сразу понял, где находится. Темнота, запах дыма, чьё-то храпение за перегородкой. Рука сама нашла автомат, лежавший под боком.

— Корнеев. Вставай.

Шёпот. Гена.

— Что случилось?

Илья уже сидел, нащупывая ботинки.

— За тобой приехали.

Всё внутри оборвалось.

— Кто?

Старик стоял в дверном проёме, и в слабом свете керосинки его лицо казалось вырезанным из дерева. Он посмотрел на Илью долго и негромко ответил:

— Твои бывшие.

Илья подошёл к окну, осторожно отодвинул край занавески.

За воротами, на размокшей земле, стояли две машины с выключенными фарами. Тёмные силуэты рядом с ними. Вооружённые люди — четверо, может быть, пятеро. Один курил, и огонёк сигареты то вспыхивал, то гас, освещая усталое чужое лицо. Второй о чём-то тихо разговаривал с Серым. Серый кивал, и в этом кивке было что-то слишком довольное.

Третий держал в руках фотографию. Подносил к свету, всматривался, поворачивал, сверял.

Илья узнал форму на снимке. Тот же воротник. Та же улыбка.

Это был он сам.

Глава 3. Последний след

Северск. Западная окраина. 05:40.

Утро выдалось холодным. Не по-осеннему, а по-настоящему злым: изо рта шёл пар, пальцы немели, и казалось, что сам воздух хочет залезть под кожу.

Илья сидел на ступеньках мастерской и держал в руках жестяную кружку с остывшим чаем. Чай был жидкий, пах веником и железом, но он всё равно пил мелкими глотками, лишь бы чем-то занять руки.

Ночью почти никто не спал.

После визита военных поселение будто перекосило. Люди ходили по двору медленно, пригнув головы, как под обстрелом. Кто-то торопливо увязывал вещи в одеяла. Кто-то шеп-

тался у склада, замолкая, стоило Илье появиться в поле зрения. Серого он не видел с вечера. И это пугало сильнее, чем если бы тот стоял над душой.

Скрипнула дверь. Из мастерской вышел Виктор, кутаясь в куртку. Глаза красные, лицо серое.

— Не передумал? — спросил он.

Корнеев поднял голову.

— Насчёт чего?

— Насчёт того, чтобы остаться. Гена говорит, сегодня можно отправить тебя с группой на восток. Там вроде пока тихо.

— Тихо? В Северске? — Илья хрипло усмехнулся. — Да ну на хрен. Не верю.

— Ну, тогда удачи.

Виктор помолчал, переминаясь. Потом полез за пазуху и достал свёрток в серой бумаге, перетянутый бечёвкой.

— Держи. Хлеб, пара консервов. Больше нет.

— Витя…

— Бери, пока не передумал. И не спорь.

Илья взял. Свёрток был тёплый — Виктор держал его у тела.

— Спасибо.

— Не за что. — Виктор отвёл глаза. — Только постарайся своим не попасться. Они ж не посмотрят, что ты нормальный мужик. У них бумага, а у бумаги лица нет.

Илья спрятал свёрток в рюкзак. Хотел сказать что-то ещё, но слова застряли в горле, как кость.

Через полчаса он вышел за ворота.

Не оглядывался. Только пальцы сильнее сжали лямку рюкзака.

Северск. Промышленный район. 08:15.

Дорога тянулась мимо мёртвых цехов и складов с проломленными крышами. Ржавые краны торчали в небо, как скелеты. Ветер гнал по асфальту обрывки бумаги, пластиковые пакеты и чьи-то выцветшие листовки. Где-то вдалеке трещали одиночные выстрелы. Далеко, лениво. Так стреляют, когда уже даже не злятся.

Илья шёл второй час. Ноги гудели, плечо под ремнём автомата стёрлось до мяса. Он перебирал в голове пустые, злые мысли: куда, зачем, а главное — кому он, на хрен, нужен.

У остановки стоял автомобиль. Дверь распахнута настежь. Стекло расколото паутиной. Внутри горел забытый зелёный огонёк на панели — аккумулятор ещё жил.

А рядом на асфальте лежал человек.

Илья остановился.

Гражданский, лет сорока. Обычная куртка, джинсы, дешёвые кроссовки. На груди расплывалось тёмное пятно, уже подсохшее по краям. Глаза были открыты и смотрели в небо с таким удивлением, будто человек до последнего не мог поверить, что это происходит именно с ним.

Корнеев присел, двумя пальцами нащупал шею. Кожа была холодная, как камень в подвале.

— Блядь… — выдохнул он.

Опоздал.

В нагрудном кармане что-то белело. Илья осторожно потянул. Фотография: женщина в летнем платье и девочка лет пяти на плечах у отца. Все трое смеются. Над головой — яркое, нахальное солнце.

Горло сжалось так, что стало больно глотать.

Он вернул снимок на место. Аккуратно, как будто боялся разбудить.

— Прости, мужик, — сказал он тихо. — Я бы… Прости.

Встал. Ноги были ватные. Хотелось блевать, и он не сразу понял, что это не от вида крови.

Это от того, что он больше не удивлялся.

С другой стороны улицы донёсся звук двигателя.

Илья вскинул голову. К перекрёстку ползли военный грузовик, за ним — легковая, оба в грязи по самые стёкла. Он метнулся за угол, пригнулся, влетел в первый попавшийся подъезд. Дверь за спиной хлопнула, и в пустом гулком пространстве это прозвучало как выстрел.

Заткнись. Дыши. Только дыши.

Грузовик остановился. Хлопнули дверцы.

— Проверяй двор, — сказал чей-то грубый голос. — По рации сказали, тут одиночку видели.

— Опять этот беглый? — лениво отозвался второй.

— А хрен его знает.

Илья вжался спиной в стену. Сердце билось так, что отдавало в зубы.

Второй голос показался ему знакомым.

Слишком знакомым.

Лапин.

08:37.

Он сидел на лестничной площадке второго этажа, прижавшись затылком к холодной стене. Под ногами хрустели осколки, воняло сыростью, мочой и старой пылью. На стене кто-то нацарапал гвоздём: «Маша, я жив».

Снизу донеслись шаги. Неторопливые. Тяжёлые. Хозяин этих шагов знал, что торопиться некуда.

— Илюха, — позвал Лапин. Эхо подхватило и разнесло по пролётам. — Я знаю, что ты здесь.

Илья закрыл глаза.

— Выходи. Не заставляй нас обшаривать весь дом.

Тишина. Только капала вода где-то на нижних этажах.

— Лапин, оставь меня, — глухо ответил Илья.

— Не могу.

— Можешь. Просто не хочешь.

Сержант тяжело вздохнул. Было слышно, как скрипнули ремни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.